

Сергей САМАРОВ

ДВОЙНАЯ ЗАСАДА

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Двойная засада / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-04-089633-2

На полковника спецназа ГРУ Андрея Буслаева одно за другим совершены два покушения. Офицеру удается уцелеть только благодаря тому, что играть со смертью — его профессия. Причастные к покушениям чеченские боевики, чтобы заманить Андрея в засаду, похищают его брата. Но Буслаев пришел на встречу с бандитами со своими боевыми товарищами. В итоге брат освобожден, банда ликвидирована, однако неизвестные продолжают преследовать Андрея. Кому-то крайне важно уничтожить его без промедления! Андрей догадывается, что происходящее связано с предстоящей командировкой в Чечню...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Самаров С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089633-2

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Я хотел наклониться, чтобы поднять уроненную кем-то пятирублевую монету. И в этот момент все понял. Начало движения в сторону меня спасло. Пуля, пролетающая расстояние, на котором сохраняется ее убойное действие, вообще-то летит без звука. Это только на излете она свистит или из какого-нибудь старенького оружия выпущенная, раритетного, тоже свистит... Я бы, конечно, не услышал полета пули, но она, пролетая мимо, обожгла мне горячим воздухом ухо. И в стену в трех метрах за спиной ударились, штукатурку содрала, потом срикошетила и дальше ушла, по тротуару, кувыряясь и подпрыгивая, и, слава богу, ни в кого больше не попала. Естественно, я не оборачивался. Некогда было, да и не было необходимости оборачиваться. Судьбу пули я привычно только по звуку определил. Хотя слово «определил» здесь тоже подходит мало. Такие вещи не определяются, они осознаются за мгновения, и тогда срабатывает рефлекс...

Стреляли сверху, под большим углом...

Стрелок, однако, был неважный... Руки, наверное, от нервного напряжения подрагивали, а это для

снайпера все равно что свежий лимонный сок в глаза... В городе нет таких расстояний, когда следует обязательно рассчитывать скорость ветра, влажность воздуха и еще множество тонкостей иметь в виду. А с небольшой дистанции стрелять снайперу полагается точнее... Но я быстро просчитал, что, поскольку выстрела слышно не было, значит, стреляли из винтовки с глушителем. Самая ходовая винтовка с глушителем — «винторез», стреляет только в полуавтоматическом и автоматическом режимах, то есть не надо затвор перед выстрелом передергивать. Следовательно, вторая пуля вот-вот полетит следом за первой с поправкой прицеливания. И потому я быстро скакнул в раскрытую дверь маленького кафе... Как оказалось, рассчитал я правильно, потому что второй выстрел последовал, хотя и с непростительным для снайпера опозданием, и разбил стекло в витрине этого самого кафе. Вообще-то пуля обычно стекло пробивает, оставляя дырку. Но она его разбила, и я, не видя, куда пуля попала, сделал правильный вывод — стреляли под острым углом к стеклу, таким острым, что пуля сумела его разбить. Остальное высчитывать было не надо — в голове все просчиталось само собой, выстроились геометрические углы, и я уже приблизительно знал, что стреляли с чердака здания, в которое упирается небольшая улица, по которой я шел.

Остальное было делом техники... Высокая и короткая стойка бара в кафе не могла стать для меня преградой. При всем своем солидном весе тела, раза в два с половиной, пожалуй, превышающем мой вес, не могла стать преградой и барменша, которая видела, как я вбежал в дверь, и видела, как затем

сразу вылетело стекло, и потому решила, видимо, что стекло разбилось из-за моих телодвижений. Она благоразумно намеревалась проявить хозяйственную жилку и задержать меня, чтобы было кому заплатить за новое стекло. Проскочив мимо нее, я нырнул в подсобку...

Я был в приличном цивильном костюме и, естественно, без оружия, потому что в отпуске оружия с собой не ношу. Человек во внутреннем помещении резал большущим кухонным ножом вонючую колбасу. Расчетливо задев его, повернувшегося на шум, плечом и намеренно ударив ладонью под локоть, я поймал падающий нож, сунул его под полу своего пиджака и, не задерживаясь ни на секунду, выскочил через служебную дверь во двор, невежливо не сказав «спасибо» человеку, вооружившему меня, пусть и самым простым, оружием.

Дверь, естественно, тоже невежливо открыл пинком...

Я не знал, как располагались дворы и выходы из них. Но интуиция подсказывала, где эти выходы должны находиться. Я выскочил из двора на улицу, стремительно и целенаправленно пересек ее и сразу углубился во второй двор через арку, прикрытую только одной створкой чугунных тяжелых ворот. И только там посмотрел вверх, на восьмиэтажный дом сталинских времен, примерно ориентируясь и определяя место на крыше, откуда в меня могли стрелять. Откуда в меня стреляли то есть... Под расчеты подходил только один подъезд, к которому я и побежал. Крашенная «кузбасс-лаком» металлическая дверь с кодовым замком стала препятствием, и у меня не было с собой ничего, что помогает обыч-

но такие замки открывать, — ни проволочной петли, ни упругой металлической линейки, заточенной особым способом. Но я открывать и не собирался. Мне незачем было входить в подъезд, потому что я услышал громкие торопливые шаги в подъезде и вовремя убрал за спину нож. Теперь уже не страшно, что его видят люди во дворе, старушки и дети, этими старушками оберегаемые... Они уже не успеют напугаться ножа, сообразил я, потому что напугаются тем, что произойдет дальше...

По звуку шагов я уже понял, что спускаются, вернее, бегут, топя и чуть ли не скатываясь по лестнице, двое. И потому отступил на три шага для создания скорой собственной поступательной энергии — обычно удар с такой дистанции бывает более сильным, чем удар с дистанции короткой, и если у меня есть время подготовиться, то почему же я не должен подготовиться к действиям... Я и подготовился...

Перед дверью шаги стихли. Все правильно... Выйти, когда их все видят, они должны неторопливо и так же неторопливо двинуться к выходу из двора, чтобы не привлекать к себе внимания. Они не хотят, чтобы кто-то присматривался к их лицам, а потом с помощью ментов рисовал их фоторобот для объявления в розыск. Любой фоторобот, конечно, фуфло писаное, и опознать по нему человека невозможно, тем не менее фотороботы всем преступникам не нравятся. И потому они стараются не привлекать внимания к своей особе. А мне внимание, наоборот, следовало привлечь, и потому я не стеснялся своих действий.

Двое за дверью перевели дыхание, открыли дверь и один за другим шагнули за порог...

Подъезды, в которых имеется плотно закрытая металлическая дверь, на нижней площадке обычно бывают полутемными или почти темными. Это любой знает, кто в таких подъездах бывал. И глаза, когда кто-то выходит, не сразу привыкают к солнечному свету. В таких случаях естественная реакция любого человека — слегка зажмуриться, чтобы восстановить способность видеть. Этим я, не задумываясь, и воспользовался.

Вышли двое... Видеть меня видели, естественно, но после темноты не сразу узнали. Они только начали узнавать... И, пока не пришли в себя от неожиданной встречи, я успел совершить разбег в три шага и сразу вырубить ближнего маховым круговым ударом каблука в челюсть с поворотом корпуса на триста шестьдесят градусов. Треск челюсти послышался такой, словно большое дерево сломали пополам одним махом экскаваторного ковша... Аминь... Дело началось и наполовину закончилось, кажется, хорошо. Но в то же время вторыми своими действиями в чувство я привел быстрее, чем мне хотелось бы, и он успел вытащить пистолет, когда я еще возвращал себя в устойчивое состояние. Но полностью занять боевую позицию я мог и не успеть, потому что он тоже медлительностью не отличался и начал передергивать затвор, чтобы дослать патрон в патронник. И я, не останавливаясь, продолжил движение, на развороте ударив большим и тяжелым кухонным ножом, как саблей, по кисти. Пистолет выпал из наполовину разрубленной руки...

Последовавший без остановки отключающий удар второй ногой в челюсть с хрустом закончил дело... Осталось только подобрать пистолеты, вытащить из

чехла чужой мобильник, чтобы собственные деньги не тратить, набрать «службу спасения» и потребовать не только милицейский наряд, а и оперативную анти-террористическую группу РОСО¹ областного управления ФСБ. Для этого пришлось и себя назвать:

— Подполковник Буслаев, спецназ ГРУ... Андреем Васильевичем меня зовут...

* * *

Сразу два опера по мою не всегда безвинную душу — сейчас это слишком много, как мне показалось. Один из РОСО, второй из районной, видимо, милиции, потому что приехал он быстро, — из городской милиции, учитывая пробки на дорогах, еще не успели бы добраться до места... Два опера... И оба смотрят на меня подозрительно и с непониманием. Впрочем, я и сам бы на себя смотрел подозрительно и с непониманием, окажись я на их месте... Ситуация с первого взгляда кажется чуть-чуть диковатой. По крайней мере, так описали ее жители дома, которые со двора наблюдали за происходящим. А выглядела ситуация в действительности неприглядно. Выходят два человека из подъезда, а этот, что прибежал с ножом, психопат какой-то, без причины на них набрасывается... Слова, кажется, сказать не успел... И что с того, что вышедшие парни — кавказцы... В подъезде живут три семьи кавказцев... Нормальные люди,

¹ РОСО — региональный отдел специальных операций. Аналогичные «Альфе» антитеррористические подразделения, созданные в ряде регионов в последнее время. Занимаются антитеррористической деятельностью, освобождением заложников и т. п.

никаких к ним претензий нет, кроме разве что одной семьи с четвертого этажа, немолодые азербайджанцы — мусор из окна на газон выбрасывают... А там цветы коллекционные высажены, и местные старушки за ними коллективно ухаживают... А к остальным отношение в подъезде неплохое, почти благожелательное...

Я тоже мог бы усомниться и в первый момент даже сам легкое беспокойство почувствовал. Вдруг да не те вышли... Но успокоился быстро — я видел их привыкающие к солнечному свету глаза, понял, что они меня узнали и оттого испугались. Глаза о многом говорят, глаза — целая книга, которую необходимо уметь читать всякому, кому приходится в экстремальных ситуациях работать... И только после всех этих отмеченных мною нюансов я атаковал... Кроме того, я и торопливые шаги слышал. Бежали они по лестнице, сильно топая, торопились... А потом, перед выходом, дыхание переводили... Это тоже не просто так... Если бы торопились сразу, торопились бы и потом, и не было бы у них причины останавливаться и изображать из себя спокойных, невинных людей... Нет, я не ошибся в своих расчетах...

Слегка побитый «по лицу», с треснувшим бампером, заклеенным широким скотчем, милицейский микроавтобус «Газель», в котором происходит разговор, нагрелся на солнце, и жара нагоняла лень. Не только шевелиться, думать не хотелось. Но думать было необходимо, и думать при этом напряженно. И не только мне, а и операм, причем их положение было сложнее, потому что им ситуацию следует представлять с двух сторон — с моей и со стороны

«пострадавших», чье мнение они еще не слышали, но предвидят...

Врач со «Скорой помощи» только что отошел. Хотел увезти одного мужчину сразу на операцию. В машине «Скорой» можно зашить руку, разрубленную кухонным ножом, но нельзя сшить разрубленные сухожилия. Ниток специальных в машине нет... Опера договорились о получасовой отсрочке. Надеются за полчаса хоть что-то выяснить...

— Пистолеты «вальтер Р 99Т»... Травматические... Заряжены резиновыми пулями... — говорит старший лейтенант. — Калибр десять миллиметров, мощная пукалка... Лицензия на оружие и у того, и у другого в порядке... Лицензии выданы в Грозном, по месту постоянной регистрации... Проверим, конечно, по базе, но внешне — без претензий, товарищ подполковник... Поддельные обычно менее помяты... Поддельные больше берегут... А к настоящим, как правило, относятся небрежно...

Непонятно, к какому из двух подполковников он обращается. Второй опер, представляющий РОСО, тоже подполковник. Этот подполковник только что с крыши спустился. Замок с чердачной двери сорван, но неизвестно, когда он сорван, сегодня или два года назад... На верхнем этаже никого из жителей дома нет. Может, и дома, но на звонки в дверь не реагируют, разговаривать не желают. Чердачное окно раскрыто, и под раму, чтобы ветром стекла не выбило, подложена деревянная чурочка. Ни на чердаке, ни на крыше не обнаружено оружия, из которого в меня стреляли. Так стреляли ли вообще? Вопрос для оперов, в отличие от меня, законный и не вполне очевидный, требующий разбирательства.

— Проверяйте... — милостиво согласился я, понимая, как трудно операм без работы.

Два человека из следственной бригады РОСО ушли в кафе, посмотреть на то, что я им описал. На разбитую витрину... На след пули на стене... Я сам этот след не видел, но понимаю, что он должен остаться... Пули поискать следует... Пока их нет, отсутствие винтовки является для меня плохим признаком, и вообще вся история смахивает на фантазии психопата...

— Вы, Андрей Васильевич, ждали покушения? — спросил подполковник ФСБ, почесывая складку под подбородком. Он почему-то небрит, и на подбородке растет легкая щетина. На самом подбородке она не беспокоит, но под ним, ближе к горлу, похоже, чешется.

— Нет, не ждал... — Я смотрел в его глаза честно и прямо. У меня привычка смотреть так. Я в самом деле не ждал никакого покушения и не предполагал, кого и какие причины могли толкнуть на это дело, и скорее склонен был допустить, что преступники ошиблись при выборе жертвы. Но когда меня по ошибке убивают вместо другого — мне это тоже, признаюсь, не нравится. Мне не нравится также, когда меня без ошибки пытаются убить...

Подполковник остался недоволен моим ответом.

— Тогда я, хоть в меня стреляйте, не понимаю ваших действий. С психологической точки зрения — не понимаю, и все тут... Вы действовали неоправданно жестко... Я не понимаю, что заставило вас напасть на людей, просто выходящих из подъезда... И как вы вообще, не готовый психологически, вдруг начали так резко и активно, а главное — целенаправленно действовать... Естественнее было бы спрятаться

в том же кафе и позвонить в милицию... Так любой бы поступил...

— Очевидное превышение необходимых мер самозащиты... — добавил старший лейтенант, но голосом совсем иным, он словно сочувствовал мне и даже был доволен случившимся с кавказцами. Нормальные менты, не из тех, кто продается, обычно тоже не любят кавказцев, постоянно с ними сталкиваются, ибо знают, что это за публика.

— Я бы даже сказал, что здесь вообще не просматривается меры самозащиты... — Подполковник проявил, на мой взгляд, неприличную случаю жесткость. — На глаз необоснованное, ничем не спровоцированное нападение на людей, откровенная агрессия, которую легко квалифицировать как расовую неприязнь...

В его глазах я заметил интерес довольно своеобразный и подчеркнутый. Подполковник ко мне искоса присматривается — не дурак ли я... По крайней мере, мысль о психиатрической экспертизе уже созрела в его почти лысой голове...

— А вы бы так не среагировали? — спросил я подполковника, заманивая его в ловушку.

— Нет... — ответил он категорично. — Я повел бы себя, как всякий нормальный человек, спрятавшись от стрельбы в первом же подвернувшемся укрытии, и вызвал бы милицию, а не сразу РОСО вместе с милицией... Я уже сказал, что это было бы естественным...

— Вот потому вы и не в головной «Альфе», не в Москве служите, а только в РОСО, на далекой и относительно спокойной периферии... Подготовленный сотрудник «Альфы» среагировал бы... И любой офи-

цер спецназа ГРУ среагировал бы точно так же... Особенно из тех, кто воевал на Северном Кавказе... Или в другом месте воевал... Эта реакция и все последующие действия — плоды специальной подготовки...

— Мы тоже, между прочим, спецназ... И тоже имеем неплохую подготовку...

Подполковник, кажется, обиделся и опустил суровый взгляд. В моей ситуации обижать опера не следовало бы, но я привык честно разговаривать. И честно высказал ему свое мнение. И плевать мне на его обиду...

— Возвращаются... Сейчас все выяснится... — разряжая напряженную атмосферу, сказал старший лейтенант, показывая на офицеров РОСО, отправленных пятнадцать минут назад в кафе.

Старший лейтенант был настроен более миролюбиво. Спецназ ГРУ он, кажется, уважал больше профессионального антитеррориста. Это естественно, антитеррорист ревнует к другой силовой структуре. Может быть, немножко и завидует...

Офицеры подошли к машине.

— Что там? — спросил подполковник, насупив брови.

Ему молча протянули деформированную пулю. Я не сомневался в результатах поиска, тем не менее незаметно для постороннего глаза, против воли вздохнул свободнее. Пуля нашлась... А если есть пуля, следовательно, был выстрел и была винтовка, из которой стреляли. Я предполагал, что пулю найдут, но все же процентов на сорок сомневался — пуля могла срикошетить и улететь под любым углом неизвестно куда. Тогда бы ее днем с огнем не найти...